

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК [94+355/359.08](470.44)|1616–1674|

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ ПО ОТЕЧЕСТВУ В ЛЕВОБЕРЕЖНОМ САРАТОВЕ

Я. Н. Рабинович

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, RabinovichYN@yandex.ru

В статье рассмотрены неизвестные страницы истории левого берега Саратова (1616–1674). Особое внимание уделено служилым людям по отечеству, их роли в жизни города. Впервые представлен список саратовских детей боярских, служивших в этом городе в третьей четверти XVII века.

Ключевые слова: левобережный Саратов, А. А. Гоздаво-Голумбиевский, дети боярские, Печатный приказ.

Hereditary Servicemen in the Left-bank Saratov

Ya. N. Rabinovich

Yakov N. Rabinovich, ORCID 0000-0002-6204-125X, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, RabinovichYN@yandex.ru

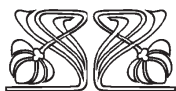
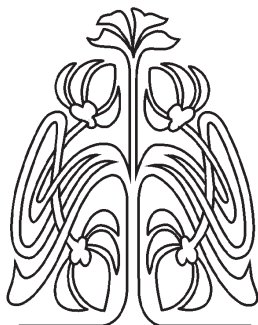
The article deals with the unknown pages of the left-bank Saratov history (1616–1674). Special attention is paid to hereditary servicemen, their role in the life of the city. For the first time, the list of Saratov boyar sons, who served in this city in the third half of the XVII century, is given.

Key words: Left-bank Saratov, A. A. Gozdavo-Golombievsky, boyar sons, Print Prikaz.

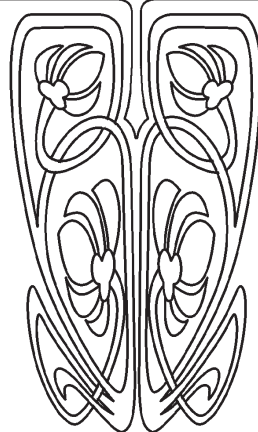
DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-102-113

Данная статья написана на основе документов Печатного приказа, опубликованных в 1892 г. А. А. Гоздаво-Голумбиевским (8 января 1863 г. – 25 августа 1913 г.)¹. С момента публикации документов Печатного приказа прошло уже 125 лет, однако за это время кроме А. А. Гераклитова ни один из исследователей истории левого берега Саратова их не использовал. Краеведы предпочитали цитировать труд А. А. Гераклитова, который, в свою очередь, не мог в силу разных причин использовать в полном объеме данные источники в своей книге, посвященной истории Саратовского края. Этот труд А. А. Гераклитова до настоящего времени так и остался непревзойденным, несмотря на почти полное отсутствие в нем справочного аппарата. Взятые автором большие географические и хронологические рамки не позволили ему уделить особое внимание служилым людям левого берега Саратова². Публикуемая работа призвана в какой-то степени восполнить этот пробел.

Саратов был построен в 1590 г. с целью обеспечения, прежде всего, безопасности Волжского торгового пути. Задача колонизации окрестных степных земель в Заволжье, а также на правобережье Волги в первое столетие существования Саратова не стояла перед начальными людьми города. Внимание воевод ограничивалось в основном лишь берегом Волги вверх и вниз от города на расстояние до 150–200 верст (это была как бы зона ответственности воевод Саратова). Заволжская степь интересовала воевод постольку, поскольку оттуда могла исходить

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

опасность для города от кочевников – ногайских татар, а затем калмыков. Опасность городу также грозила и с нагорной стороны от крымцев и ногаев Казыева улуса, кочевавших в Предкавказье. Правда, сведений о нападении на левобережный Саратов с Нагорной стороны в источниках пока не обнаружено (зато известны частые нападения татар на Саратов уже после переноса города в 1674 г. на правый берег Волги).

Контроль воевод над Правобережьем ограничивался отправкой отрядов в район Медведицы, где жили воровские казаки и куда с юга вторгались кочевники.

С этими кочевниками иногда соединялись татары Большой ногайской орды, кочевавшей в первой половине XVII в. в Заволжье. Поэтому одной из задач воевод Саратова, кроме охраны Волжского пути, было воспреещение кочевникам переправляться на правый берег Волги в окрестностях города, где издавна имелись удобные переправы через Волгу.

Основную часть жителей города в XVII в. составляли служилые люди, как постоянного, так и переменного состава (годовальщики). Это были в основном стрельцы, служилые люди по прибору. Путешественники, в том числе Олеарий и Стрюйс, отмечали, что город населен одними стрельцами, которых насчитывалось в разное время от 300 до 400 человек. К ним следует прибавить еще 100 стрельцов-годовальщиков переменного состава гарнизона из других Понизовых городов.

Более высокий класс служилых людей составляли служилые люди по отечеству, так называемые дети боярские. Они назначались на высшие стрелецкие командные должности (были стрелецкими головами и сотниками), исполняли наиболее важные поручения местных воевод, доставляли секретную корреспонденцию в Москву и т. д. Из служилых людей по отечеству был стрелецкий голова и строитель города в 1590 г. Федор Михайлович Туров. Первый из известных саратовских стрелецких сотников Микита Муромцев был также из детей боярских, к тому же – из четвертчиков (он получал жалование из Владимирской четверти). Из детей боярских был саратовский жилец Василий Чулков, служивший в городе накануне Смутного времени. А вот стрелецкий пятидесятник Неустройка Обрюгин, отправленный в ноябре 1600 г. воеводой Григорием Федоровичем Елизаровым из Саратова в Москву с донесением о зимовке персидских послов, был, судя по всему, из служилых людей по прибору, он выдвинулся в стрелецкие начальники из рядовых стрельцов³.

Детей боярских в левобережном Саратове было немного, всего около двух десятков человек, но они играли важную роль в укреплении обороноспособности этой отдаленной крепости, были первыми помощниками воевод. Откуда же прибыли эти первые дети боярские в левобережный Саратов в последние годы Смутного времени, когда вместо Саратовского городища

упоминается новый город и его воевода князь Ф. Т. Черново-Оболенский? По словам А. А. Гераклитова, «судя по сохранившимся фамильным прозвищам, дети боярские, как и стрельцы, явились в наш край тоже из Казанской области и едва ли добровольно»⁴. Жаль, что при этом ни одного «сохранившегося фамильного прозвища» служилых людей по отечеству исследователь не приводит для подтверждения своего тезиса. Автору этих строк пока не удалось найти ни одного имени и прозвища саратовских служилых людей по отечеству вплоть до середины XVII в. Все обнаруженные имена саратовских детей боярских, служивших здесь в третьей четверти XVII в., приведены в данной статье.

Известны имена первых строителей нового левобережного Саратова. В Дополнениях к Дворцовым разрядам отмечено, что 26 октября 1617 г. по Государеву указу, «по памяти за приписью дьяка Федора Апраксина, Государева жалованья Самарскому сыну боярскому Поснику Порошину 4 арш. тафты лимонной, цена по 20 по 3 алт. по 2 денги арш., да 4 арш. без чети сукия настрафилю червчатого, цена 2 руб. с полтиною портище; да Самарскому пятидесятнику стрелецкому Васке Агафонову 4 арш. без чети сукна настрафилю червчатого, цена 2 руб. с полтиною портище; а пожаловал Государь их за выход и за Саратовское городовое поставление»⁵. Кроме самарского сына боярского Посника Порошина и стрелецкого пятидесятника Василия Агафонова других строителей левобережного Саратова пока не выявлено. Можно считать, что служилые люди из Самары приняли активное участие в строительстве левобережного Саратова и входили в состав гарнизона этой крепости, хотя бы первое время.

Согласимся с А. А. Гераклитовым, что дети боярские, как и стрельцы, были невольными переведенцами, и их служба в далеком краю должна была казаться им еще тяжелее, чем стрельцам. «Ведь на родине они наверно имели свои поместья, домашнее хозяйство, семьи, родных, друзей и т. д. и все это приходилось оставлять для государевой службы. Но постепенно они свыкались с новым краем, его нетронутость и естественные богатства примиряли с ним служилых людей и понемногу они начинали обосновываться в нем»⁶.

В середине XVII в. мы видим уже саратовских детей боярских как людей, сроднившихся с новым городом, несших постоянную службу в нем и приписавшихся к Саратову. Здесь в Саратове, как и в других городах, заводятся свои окладные книги, свои десятины – военно-учетные списки служилых людей. Были случаи, когда служилые люди из других городов просили записать их в десятню по Саратову с прежним денежным окладом. Видимо, Саратов прельщал этих людей больше, чем, например, Чебоксары, хотя служба здесь была более опасной. Со стороны степи или Волги постоянно исходила опасность от кочевников или воровских казаков.

Воровские казаки могли быть волжскими, донскими или яицкими. В результате активных действий правительственных войск и воевод поволжских городов уже к середине XVII в. волжские воровские казаки были полностью ликвидированы, волжское казачье войско в итоге так и не сложилось. Вспомним, какую силу представляли волжские казаки во времена атамана Ермака или при основании Саратова (до 1500 хорошо вооруженных людей). А в 1614 г. значительная часть волжских казаков, в том числе атаманы Верзига, Тихон Чулков, Микита Ус, Неупокой Карга, Мишка Ратцов, Томило Суровской, Юшка Караганец и Караулко, поддерживала атамана Заруцкого, собираясь вместе с ним идти в поход на Казань. Другая меньшая часть волжских казаков, в том числе атаманы Василий Соловцов, Третьяк Ус, Бирюк и Иван Донецкий готовы были присягнуть Михаилу Романову⁷. Правительству приходилось считаться с этой угрозой. Однако уже в 1620-е гг. казачьи городки на Волге были разгромлены, против воровских казаков воеводы воюют совместно с лояльными правительству казаками. Один из последних известных волжских воровских атаманов был атаман Самара с отрядом в 70 казаков, который в 1636 г. прибыл на Яик договариваться о совместных действиях на Волге с местными казаками. Можно предположить, что после перехода части казаков на сторону правительства и ликвидации волжских воровских казаков многие атаманы и есаулы пополнили ряды служилых людей по отечеству в поволжских городах, а рядовые казаки стали стрельцами либо посадскими людьми.

Яицкие казаки в то время из-за удаленности не представляли большой угрозы судоходству на Волге. Наоборот, указами правительства (1647 г.) яицким казакам были предоставлены льготы в торговле в волжских городах, в том числе и в Саратове⁸. Они предпочитали водный путь по реке Самаре к Самарской крепости, с ними больше контактировали воеводы Самары. Яицкие казаки также использовали дорогу с Яика на Иргиз, а далее – водный путь по Иргизу на Волгу⁹. Хотя следует отметить, что во времена Адама Олеария именно яицкие казаки собирались напасть на корабль голштинцев, их разведчики (40 человек) во главе с есаулом Иваном Яковлевым Поленовым подплывали к нему между Тетюшей и Самарой, выясняли боевые возможности корабля, состав охраны и вооружения, а перед этим погромили судно «Казанца посацкого человека Спирина приказчика». Яицкие казаки шли тогда от Яика до Волги степью «недели с три». Боевые возможности Яицкого войска в то время оценивались в 800–900 человек (9 стругов по 60–70 человек и 12 лодок по 20 человек). Этими силами казаки хотели идти в поход на Каспий грабить торговые корабли¹⁰.

Наибольшая опасность для воевод Саратова и Царицына исходила не только от кочевников,

но и от донских казаков, которые использовали переволоки в районе Камышенки и Царицына для переправы на Волгу. Кроме того, донские казаки постепенно обживали сначала низовья, затем среднее течение и верховья Медведицы и Хопра. Против них сюда, в верховья Медведицы и Хопра, направлялись периодически экспедиции правительственных войск, в которых участвовали и саратовские служилые люди.

Левобережный Саратов, расположенный в степи, был сторожевым пунктом, и служилые люди должны были внимательно наблюдать за степью. Для этого использовались как высотные наблюдательные пункты, так и удаленные от города заставы. По мнению А. И. Шахматова, близ Нагорного Саратова располагались наблюдательные вышки. Во времена левобережного Саратова на противоположной нагорной стороне Волги, где было много холмов и гор (в отличие от равнинного левого берега), существовали наблюдательные пункты. Некоторые возвышенности были возле левобережного Саратова на луговой стороне, в степи. Эти «горы» даже отмечены на карте Адама Олеария. В настоящее время район дач Шалово, где находился в XVII в. левобережный Саратов, также расположен в низине, а восточнее его в степи уровень поверхности значительно выше. Там тоже могли находиться наблюдательные посты.

Кроме наблюдательных пунктов по всей Волге от Казани до Астрахани вблизи городов располагались заставы, в том числе в Самаре, Саратове и Царицыне «для береженья проезжих людей». Начальниками на таких заставах были видные местные служилые люди по отечеству. Их назначали из Приказа Казанского дворца по челобитной самих служилых людей (за такую челобитную они платили большие деньги в Печатный приказ). Местный воевода не мог сам назначить по своей воле начальника заставы. В Саратове такая застава в 1655 и 1656 гг. стояла на Стрелке-реке. В источниках часто приводится эта фраза: «*На Саратове, на заставе, на Стрелке реке*»¹¹. Точное место этой «Стрелки-реки» исследователи определяют по-разному. Единого мнения здесь нет. По мнению Ф. Ф. Чекалина, «*названные урочища и до сих пор сохранили еще свои названия и принадлежат ныне Саратову: Стрелка на горном берегу Глебова оврага, где ныне Покровская площадь, а Увек – с противоположной стороны города*»¹².

Позже, примерно с 1659 г., в зависимости от времени года такая застава находилась «*зимой на верхнем Увек, а летом – на Волге реке ... Летом – на пропуске проезжих людей, а зимним путем – на проезде*»¹³. Здесь, очевидно, речь идет о заставах, поставленных при въезде в Саратов сухим путем, и на проезде по Волге мимо Саратова для сбора таможенных пошлин. Некоторые источники подтверждают тезис о том, что на этих заставах со временем стала собираться и таможенная пошлина с торговых людей¹⁴.

В числе таких заставных голов в документах 1650–1670-х гг. встречаются имена наиболее известных представителей служилых фамилий Саратова того времени. Это служилые люди по отечеству (дети боярские) Родион Протопопов, Петр Климов, Леонтий Михайлович Климов, а также его сын (?) Лука Леонтьевич Климов, Федор Елисеев Ахматов и Павел Ахматов, Федор Слuzов, Афанасий Ховрин.

К примеру, в 1659 г. воеводе Саратова Даниилу Варфоломеевичу Хитрово была отправлена грамота, в которой разрешалось сыну боярскому Федору Ахматову быть на заставе вместо Луки Леонтьевича Климова. Однако против этого назначения выступили родственники Луки Климова, ведь служба на такой заставе была довольно престижной и прибыльной. В итоге в Москве изменили первоначальное решение, и в Саратов тому же воеводе Д. В. Хитрово в том же 1659 г. была отправлена новая грамота с указанием вместо Федора Ахматова назначить на такую заставу Петра Климова¹⁵.

В 1661 г. при воеводе Иване Ивановиче Косагове мы вновь видим на заставе «для береженья проезжих людей» Луку Леонтьевича Климова¹⁶. При этом он никого не менял, не сказано, что он назначен вместо другого человека, по-видимому, его назначение было просто увеличением числа служилых людей на заставе.

На такой же заставе служил одно время сын боярский Иван Микулин, пока в 1662 г. воеводе стольнику Федору Ивановичу Леонтьеву не поступило указание из Москвы назначить вместо Ивана Микулина на эту заставу другого саратовца – Федора Слuzова. Возможно, что Иван Микулин в том году был отправлен в поход на юг вместе с 8 другими саратовскими детьми боярскими и отрядом саратовских стрельцов в составе полка думного дворянина Замятни Федоровича Леонтьева¹⁷.

Федору Слuzову недолго пришлось служить на такой заставе. Уже в 1663 г. воеводе Ф. И. Леонтьеву поступило новое указание назначить на эту заставу вместо Федора Слuzова Леонтия Михайловича Климова¹⁸.

Прошло несколько лет, и в 1666 г. на заставе «для пропуска проезжих людей, а зимним путем на проезде» велено было служить вместо Луки Климова вновь Федору Слuzову¹⁹. Сменив Луку Климова, Федор Слuzов стал служить на этой заставе вместе с Леонтием Михайловичем Климовым. Получается, что ранее на заставе одновременно служили Лука и Леонтий Климовы. Этот Федор Слuzов «отличился» в период борьбы правительства со Степаном Разиным, как и некоторые другие саратовские дети боярские, о чем будет подробно сказано далее.

Уже после подавления восстания Степана Разина накануне переноса Саратова на правый берег в 1673 г. «на пропуске» велено было служить вместо Афанасия Ховрина Ивану Микулину, которого мы впервые встречаем еще в 1650 г., когда он начал службу, а затем около 1662 г. – на заставе.

В те годы в Саратове служил еще один представитель рода Микулиных – Матвей Микулин, погибший во время восстания Степана Разина²⁰.

В следующем 1674 г. аналогичный указ о службе «на пропуске» последовал для Федора Елисеева Ахматова. Он заменил в этой должности своего родственника Павла Ахматова²¹.

Кроме службы на заставе была еще служба на берегу. По-видимому, она была менее почетной. Служилые люди предпочитали этой службе службу на заставе, писали челобитные о переводе, как например, Леонтий Климов, который сначала служил на берегу, а в 1663 г. ушел на заставу. На место Леонтия Климова на берег был назначен другой саратовец Федор Ахматов, который впервые попытался устроиться служить на заставе еще в 1659 г., правда, безуспешно²².

Но уже на следующий год (1664 г.) Лука Леонтьевич Климов занял прежнее место отца (Леонтия Климова) на берегу, сменив Федора Ахматова. Возможно, что молодые служилые люди должны были служить сначала на берегу, а затем на заставе. В 1664 г. воеводе князю Алексею Путятину было приказано назначить Луку Леонтьевича Климова «на пропуске проезжих людей» вместо Федора Ахматова²³.

Как мы видели ранее, Федор Елисеев Ахматов сначала служил на берегу на пропуске проезжих людей, затем его сменил на берегу Лука Климов. Потом на данной должности мы видим другого представителя семейства Ахматовых, Павла Ахматова, которого в итоге сменил его родственник Федор Ахматов (если предположить, что Федор Ахматов и Федор Елисеев Ахматов – один и тот же человек).

Нельзя точно утверждать о том, откуда пришли в Саратов отцы и деды всех этих служилых людей 30–40 лет назад (первые служилые люди левобережного Саратова). Можно, правда, сделать одно смелое предположение. В Арзамасских поместных актах начала XVII в. среди городских детей боярских в десятне 1613/1614 г. из Арзамаса мы находим нескольких Ахматовых (в том числе Елисея), Климовых (в том числе Леонтия), Ховриных, Протопоповых, Микулиных и др. В следующей десятне раздачи жалования в сентябре 1615 г. большинство из этих лиц тоже отмечены, некоторые из них, указанные в нетчиках, были бедны. Часто можно встретить такую надпись: «У денежной раздачи не объявился. Окладчики про него сказали: помесья за ним есть ли или нет, того не ведают»²⁴.

Имена многих из этих служилых людей совпадают с именами или отчествами саратовских детей боярских третьей четверти XVII в. Следует учесть, что в те годы имена, особенно первенцам, давали такие же, как у дедов. Можно предположить, что первые служилые люди по отечеству в Саратове прибыли сюда из Арзамаса, а их сыновья и внуки служили в Саратове в третьей четверти XVII в.

Это предположение имеет такое же право на существование, как и утверждение А. А. Герасимова о том, что первые служилые люди по отечеству прибыли в левобережный Саратов из Казани.

Некоторые документы, введенные в научный оборот А. А. Голомбиевским, сообщают о назначении на службу в дети боярские. Общее число детей боярских в Саратове было, по-видимому, строго фиксированным – 18 человек. Именно на такое количество людей выдавалось жалование. Взамен убитых людей (отъезд, старость, болезнь или смерть) новый человек писал челобитную о назначении на «свободное место».

Из таких документов мы узнаем, когда прекратил службу тот или иной сын боярский. До 1650 г. в Саратове служил Иван Желебин, до 1651 г. – Федор Ховрин, до 1654 г. – Сергей Протопопов.

В 1650 г. воеводе князю Федору Борятинскому была отправлена грамота, в которой разрешалось служить по Саратову Ивану Микулину. До этого служилый человек Иван Желебин прекратил службу (причина не указана). Саратовец Иван Микулин сразу же написал челобитную в Москву с просьбой назначить его на службу вместо Ивана Желебина, и по этой челобитной было принято положительное решение²⁵.

Прошло 8 лет, и в 1659 г. мы снова встречаем этого Ивана Микулина. Воеводе Саратова Д. В. Хитрово было «велено Саратовца Ивана Микулина записать по Саратову в список на первое убылое место в поместном и денежном окладе»²⁶.

Этот же Иван Микулин через год (1661 г. при воеводе И. И. Косагове) получил назначение служить на заставе. Через несколько лет, в 1668 г., он получил придачу к поместному и денежному окладу²⁷.

В 1650 г. воеводу кн. Ф. Борятинского сменил новый воевода Василий Григорьевич Феофилачев, сын известного саратовского воеводы Г. И. Феофилачева. В том же 1650 г. В. Г. Феофилачеву была отправлена из Москвы грамота по челобитной Федора Алеева и Глеба Неронова. Этим людям было разрешено служить в ряду с другими детьми боярскими. Возможно, что Ф. Алеев и Г. Неронов изменили (повысили) при этом свой статус, они не были из семей служилых людей по отечеству, а теперь стали детьми боярскими²⁸.

В следующем 1651 г. воеводе В. Г. Феофилачеву, который продолжал находиться в Саратове, была отправлена грамота, в которой говорилось: «Велено служба служить по Саратову в детях боярских Калине Ховрину» вместо его брата Федора Ховрина. Федор Ховрин прекратил службу (причина не указана). Это место стало свободным «выморочным», и его занял его брат, Калина Ховрин²⁹.

В 1654 г. новому воеводе Саратова стольнику Алексею Пантелеевичу Чирикову была отправлена грамота аналогичного содержания. Теперь

вместо сына боярского Сергея Протопопова было велено службу служить его родственнику (брату?) Родиону Протопопову³⁰.

Известен в те годы в Саратове еще один представитель служилых людей Протопоповых, Микифор Протопопов, правда, в неожиданном для детей боярских качестве. Он совершил вместе с некоторыми стрельцами в 1655/1656 г. какую-то провинность. В 1656 г. воеводе Василию Васильевичу Нелединскому в Саратов была отправлена грамота о ссылке этого Микифора Протопопова и некоторых стрельцов в Астрахань. Причем челобитную с просьбой избавиться от этих людей и сослать их из Саратова в Астрахань написали сами саратовцы, дети боярские, посадские люди и стрельцы. Ссылке подлежали кроме Микифора Протопопова также 6 стрельцов. Это стрельцы Воинка Борисов, Ивашка Кочегов, Васька Пушкарев, Сенька Чеманукин, Андронка Болдырев и Васька Трубников. Они ссылались в Астрахань семьями, вместе со своими женами и детьми. Было указано, чтобы «четные деньги на них доправить»³¹.

Некоторые документы говорят о записи служилых людей в окладные книги, служилый список, саратовскую десятную. В 1656 г. воеводе В. В. Нелединскому поступило указание вместо выбывшего Микифора Протопопова (о причинах убийства его только что говорилось) написать в окладных книгах и в служилый список Григория Медоварцова³².

Из другого документа мы узнаем, что ранее этот Григорий Медоварцов был стрелецким сотником у пеших стрельцов, а теперь повысил свой статус и стал сыном боярским. Перед этим он, конечно, написал челобитную в Москву с просьбой перевести его на эту «должность». Таким образом, дети боярские пополнялись не только за счет своих родственников (младших братьев и сыновей), но и за счет стрелецких начальников. Соответственно вместо ушедшего на новую «должность» Григория Медоварцова стрелецким сотником стал пятидесятник Василий Племянников³³.

В 1657 г. воеводе В. В. Нелединскому последовал новый указ из Москвы написать вместо какого-то выбывшего человека (имя не указано, записано просто: «на выбылое место») саратовца Аксентия Яковлева «в окладных книгах и в служилом списку». Этому сыну боярскому Аксентию Яковлеву был определен первоначальный поместный оклад в 200 четвертей, а денежный оклад в размере 6 рублей. Деньги он получал, как и почти все саратовские служилые люди по отечеству, «с городом», а не из какой-либо четверти. Быть четверчиком Костромской, Галицкой, Устюжской и других четвертей считалось более выгодным, особенно в первые годы царствования Михаила Романова, когда жалование выдавалось нерегулярно. Аксентию Яковлеву было определено также хлебное жалование, правда, не сказано, в каком размере, записано только: «да хлеба против денег по указу»³⁴. В энциклопедии Саратовского

края говорится, что обычно хлебное жалование стрельцов составляло в год 12 четвертей ржи и столько же овсом (четверть – около 100 кг, в зависимости от типа зерна)³⁵.

В 1657 г. сменившему В. В. Нелединского новому воеводе стольнику Никите Ивановичу Головину (Головнину) поступило указание по челобитью саратовца Андрея Ховрина записать его в поместном и денежном окладе³⁶.

Этот же воевода Н. И. Головин в 1657 г. получил указание написать саратовца Леонтия Михайловича Климова «за службу» в поместном и денежном окладе в Саратовской десятне и в служилом списке³⁷.

Этот Леонтий Климов продолжал служить до 1670 г. В 1670 г. воеводе Кузьме Лутохину предписывалось Андрея Алферьева записать в десятню и в служилый список вместо выбывшего Леонтия Климова и давать ему ежегодно денежное и хлебное жалование. Правда, в документе указано, что воевода Кузьма Лутохин должен был записать этого Андрея Алферьева в Саранскую десятню, а не в Саратовскую, но по-видимому, это просто описка московских подьячих, так как воевода Саратова не имел права записать служилого человека в десятню чужого города Саранска. Кроме того, выбывший Леонтий Климов служил в Саратове, был ранее в 1657 г. записан именно в Саратовской десятне, а не в Саранской³⁸.

Неизвестно, успел ли Кузьма Лутохин выполнить данное указание до своей трагической гибели 15 августа 1670 г., когда разинцы утопили его и перебили детей боярских, находившихся в городе. Возможно, что такая же участь постигла Андрея Алферьева.

Что касается упоминавшегося неоднократно Луки Леонтьевича Климова, то мы имеем некоторые сведения о его кончине и о составе его семьи. По-видимому, он умер в 1667 или в начале 1668 г. В московских документах 1668 г. его жена уже указана как вдова. Ее звали Устинья Семеновна. Это одна из немногих известных женщин в левобережном Саратове (от первоначального Саратова не сохранилось ни одного имени женщин, хотя, судя по документам о зимовке персидского посольства в 1600/1601 г., они там были). К моменту кончины мужа у Устиньи Климовой было четверо детей. Вдова написала челобитную в Москву с просьбой выдать ей и семье государево жалование. В 1668 г. из Москвы последовало указание воеводе Саратова стольнику Ивану Васильевичу Самарину выдать вдове с детьми жалование на нынешний 177 год (т. е. на 1668/1669 г.)³⁹.

Известна еще одна вдова саратовского служилого человека, который, очевидно, погиб во время взятия города разинцами вместе с воеводой Кузьмой Лутохиным. Около 1673 г. вдова Матвея Микулина Анница подала челобитную о жалованье. По указу из Москвы в 1673 г. воевода думный дворянин Ф. И. Леонтьев выдал вдове с

детьми, как и иным вдовам, половину денежного и хлебного оклада мужа⁴⁰.

По-видимому, в середине XVII в. должность воеводы в Саратове была довольно заманчивой для представителей государева двора. В Саратове можно было обогатиться, поправить свое материальное состояние. Некоторые стольники, московские дворяне даже писали челобитные с просьбой назначить их воеводами в этот окраинный город. Такую челобитную написал в конце 1656 г. стольник Н. И. Головин. За эту челобитную с него была взята пошлина в размере один рубль. Уже 25 января 1657 г. воеводе Саратова В. В. Нелединскому была отправлена грамота, извещающая его, что ему на смену отправлен Н. И. Головин («*велено быть на Саратове на его место*»)⁴¹.

Много сохранилось в документах сведений о даче жалования служилым людям. Саратовские воеводы могли по указанию из Москвы выдавать жалование даже чужим служилым людям, по какой-то причине находившимся в Саратове. В частности, в 1659–1660 гг. в Саратове несли службу уфимские дети боярские Андрей Приклонский и Иван Черников Онучин. Они написали челобитную в Москву, и саратовскому воеводе Д. В. Хитрово поступило указание дать этим людям жалование в Саратове⁴².

В начале 1670 г. воеводой в Царицын был назначен вместо Андрея Унковского полковник Тимофей Васильевич Тургенев. Он должен был добираться в Царицын через Саратов, по-видимому, еще зимой, сухим путем, ведь в марте 1670 г. он уже находился в Царицыне. Саратовский воевода стольник И. В. Самарин (его еще не успел сменить Кузьма Лутохин, следовательно, эти события происходили в самом начале года) получил указание из Москвы выдать этому Тимофею Тургеневу государево жалование – 20 пудов соли⁴³.

Судьба этого воеводы Царицына Т. В. Тургенева сложилась трагично. Как и новый воевода Саратова Кузьма Лутохин, Тимофей Тургенев был казнен Степаном Разинным в 1670 г., только несколько ранее – в конце апреля – начале мая, сразу после взятия разинцами последнего укрепления в Царицыне.

Сохранилось немало сведений о придачах к окладам служилых людей. Здесь имеется в виду и поместный и денежный оклады. К сожалению, почти нигде не говорится об их прежнем окладе, поэтому трудно сказать, какой поместный и денежный оклад стал у этих людей после придачи. Иногда при этом указывается, за что именно служилый человек получил данную придачу к окладу. Для нас также важна дата (год) назначения этой придачи, значит, в том году данный человек уже проходил службу в Саратове, причем давно, если получил дополнительную придачу. Что касается размеров поместных окладов служилых людей, то в «Энциклопедии Саратовского края...» отмечено, что они имели такой оклад в размере 20–70 четвертей. По-видимому, составители

данного раздела энциклопедии имели в виду, что первоначальный поместный оклад был 20 четей, а после придачи – 70 четей⁴⁴. Однако такой низкий первоначальный поместный оклад в 20 четей не характерен для служилых людей по отечеству в то время. Скорее всего, он составлял 50–100 четей и даже больше. В 1664 г. поместную придачу к окладу в размере 50 четей получил саратовец Лука Климов⁴⁵. Ранее он в 1661 г. имел поместный оклад в размере 300 четей, теперь с учетом придачи его оклад стал 350 четей⁴⁶.

У саратовца Аксентия Яковлева поместный оклад был 200 четей. Иноземец Михаил Валенский служил до 1661 г. в Чебоксарах с окладом в 100 четей, а в 1662 г. при воеводе И. И. Косагове он был переведен в Саратов с прежним поместным окладом в 100 четей. Денежный оклад его составил 4 рубля⁴⁷. Это один из минимальных окладов служилых людей, как русских детей боярских, так и служилых иноземцев.

В 1656 г. при воеводе В. В. Нелединском получил придачу к окладу Федор Слuzов. Эта придача составила денег – один рубль, хлеба – четверть ржи и четверть овса⁴⁸.

Тогда же саратовец Лука Леонтьевич Климов получил придачу в более крупном размере, при этом сказано, что эта придача дана «за службу», к сожалению, не указано, за какую именно службу. Эта придача составила два рубля денег и по две четверти ржи и овса⁴⁹.

Также за службу (неизвестно, за какую именно) получил придачу к денежному окладу в размере 4 рубля саратовец Федор Елисеев Ахматов, причем это была уже вторичная придача. В документе прямо сказано, что «учинить денег 4 рубля» к прежней придаче⁵⁰.

Еще один служилый человек Петр Климов получил в том же 1656 г. придачу за конкретную «калмыцкую службу» в размере 1 рубль денег и по 1 четверти ржи и овса⁵¹.

В 1658 г. в соответствии с указанием из Москвы саратовский сын боярский Иван Гончаров был записан в служилом списке с хлебной и денежной придачей. Здесь, к сожалению, не сказано, с какой именно придачей надо было записать в служилый список этого человека и к какому прежнему его денежному окладу дать придачу⁵².

В следующем 1659 г. новый воевода Саратова Д. В. Хитрово «справил поместную придачу» саратовцу Федору Ахматову в Саратовском служилом списке⁵³.

Тогда же воевода Д. В. Хитрово «учинил поместную придачу» в 50 четвертей неоднократно упоминавшемуся ранее Петру Климову⁵⁴.

Поместные придачи саратовским служилым людям в те годы особого практического значения не имели, в отличие от денежной и хлебной придач. Лука Климов, получив придачу 50 четвертей к поместному окладу, теперь мог владеть поместьями в размере 350 четвертей. Одна четверть – это примерно полторы десятины земли. Но

поместных земель в радиусе 300 км от Саратова на тот момент еще не было. Лука Климов, к примеру, мог претендовать на поместья где-нибудь в окрестностях Саранска, Темникова, Арзамаса или Казани.

И все-таки служилые люди были заинтересованы в увеличении поместного оклада, ведь они не все время собирались находиться в Саратове. К тому же чем выше поместный оклад, тем выше статус этого служилого человека. Имея значительный поместный оклад, можно было рассчитывать на приобретение поместья в другом регионе. Если в районе Саратова поместного землевладения еще не существовало, то на правом берегу в ближайших к Саратову городах Пензе и Тамбове уже зарождалось поместное землевладение, как и в районе Самарской луки (Надеино Усолье).

В 1662 г. воевода И. И. Косагов учинил денежную и хлебную придачу к окладу саратовцу Ивану Климову, еще одному представителю семейства Климовых. На тот момент это имело большее практическое значение для служилого человека, чем поместная придача⁵⁵.

В 1664 г. воеводе Саратова князю А. Путятину было приказано справиться саратовцу Обросиму Мордвинову денежную и хлебную придачу к прежнему окладу⁵⁶.

В 1668 г. воевода И. В. Самарин по челобитью саратовца Ивана Микулина после соответствующего указа из Москвы учинил этому служилому человеку государево жалование, поместный и денежный оклад с придачей⁵⁷.

Судя по сохранившимся документам, разбой на Волге в 1650–1660-х гг. не прекращались, а наоборот, становились все более частыми, а воровские шайки – все более многочисленными и дерзкими. На усиление таких грабежей оказывало влияние развитие торговли и промыслов на Волге; теперь стало больше добычи, и она становилась ценнее.

А. А. Гераклитов привел сведения об успешных действиях осенью 1659 г. Петра Климова против воровских казаков. Впервые данный сюжет был рассмотрен еще в конце 1850-х гг. С. М. Соловьёвым, который указал имя воеводы Саратова (Данила Хитрово), а также много других имен (приказчика, пленных казаков, казачьих атаманов и др.), за исключением главного героя – служилого человека из Саратова Петра Климова. В 1891 г. «местный любитель старины» известный сочинитель А. И. Шахматов в своей книге без ссылки на источник информации привел практически дословно этот живой рассказ С. М. Соловьёва о допросе 29 сентября 1659 г. в Саратове воеводой Данилой Хитрово «приказчика купца Селиванова». А. А. Гераклитов также не указал источник информации, но автору этих строк удалось выяснить, что эти сведения были опубликованы в 1917 г. в одном из томов Русской Исторической Библиотеки (Донские дела, кн. 5). Это дело по отписке воеводы Саратова Д. В. Хитрово состоит из двух отписок саратовского воеводы, распро-

сных речей воровских казаков, царской грамоты Войску Донскому, а также списка саратовских детей боярских и стрельцов, отличившихся в данном походе⁵⁸.

А. А. Гераклитов, который более подробно, чем С. М. Соловьёв, изложил ход данных событий, отмечал, что в начале сентября 1659 г. по приказу воеводы Д. В. Хитрово саратовец Климов со служивыми людьми погнался за казаками вниз по Волге «до урочища до Дубовки речки» в 150 верстах от Саратова. Имя этого «саратовца Климова» не было указано, но из документов выясняется, что это был Леонтий Климов. Казаки успели сбежать с Волги степью на Иловлю, а далее по реке на лодках в свой воровской укрепленный городок Ригу. Леонтию Климову пришлось 14 сентября вернуться в Саратов. Воевода Д. В. Хитрово решил организовать поход к этому воровскому городку, подготовил отряд в 100 конных и 100 пеших стрельцов, но в это время пришел приказ выслать в распоряжение князя Г. С. Черкасского 50 конных и 117 пеших стрельцов, поэтому воевода побоялся надолго оставить Саратов без надежной охраны⁵⁹.

Вскоре воевода Д. В. Хитрово получил новые известия о походе воровских казаков на Волге. 29 сентября в Саратов приехал Карпунька Селиванов, приказчик торгового человека гостиницы сотни Федора Горохова (у С. М. Соловьёва – в Саратов приехал «приказчик московского купца Селиванова»). Этот приказчик рассказал, что в 170 верстах южнее Саратова в урочище Шишкин остров ночью напали на его хозяйский соляной струг, плывущий из Царицына в Саратов, 80 воровских казаков. Тогда же подверглись нападению два вятских струга, на которых плыли из Саратова в Астрахань черкесы-уздени (слуги) «Казбулата мурзы князь Муцалова сына Черкасского». Несмотря на то что черкесов сопровождали служилые люди в гребле и для охраны (саратовские стрельцы), этот бой закончился для кавказских горцев трагически. «Был бой долгое время», но казаки в итоге взяли верх. Они порубили черкесов (при этом пострадали и стрельцы охраны), захватили богатую добычу. Эту добычу затем несли пешком степью с Волги на Иловлю работные люди с захваченных судов, причем часть работных людей присоединилась к казакам⁶⁰.

Воевода Д. В. Хитрово теперь послал другого саратовца Петра Климова, «а с ним Саратовских конных и пеших стрельцов на конях двести человек по нагорной стороне» с задачей искать этот казачий воровской городок. Саратовские стрельцы собиравшись отомстить казакам за своих погибших товарищей. 15 октября П. Климов вернулся в Саратов и доложил о результатах похода. Он настиг казаков в урочище Островки на Иловле, за день пути до Дона. В завязавшемся бою казаки были разбиты, многих побили, остальные убежали в свой городок Ригу, находящийся на Паньшинском острове в Пустовом юрту, а двух казаков взяли в плен и привели в Саратов. По докладу П. Климова

в этом бою отличились саратовцы, дети боярские, Обросим Мордвинов, Василий Вяльцов, Микита Лежнев, сотник конных стрельцов Афанасий Ховрин, пятидесятник конных стрельцов Тимошка Кондратьев, конный стрелец Васька Шатчанин, «и все Саратовские конные и пешие стрельцы, двести человек, государю служили и бились явственно»⁶¹.

П. Климов не решился идти дальше и штурмовать этот укрепленный городок Ригу, а вернулся с пленными в Саратов. Пленные сообщили, что казачий отряд возглавляли донской атаман Васька Прокопьев и есаул Стенька Федоров, оба из Самары. Казаки совершили два разбойных похода на Волгу. Во время второго похода атаман и есаул оставались в своем воровском городке, а в поход отправились атаман Петрушка Кулыга (из царицынских стрельцов) и есаул Ивашка Григорьев из Самары⁶².

После получения в Москве от воеводы Д. В. Хитрово донесения об этих событиях (причем с донесением в столицу 16 октября был отправлен сам Петр Климов), на Дон была послана царская грамота с требованием разорить этот городок и казнить воровских казаков. Домовитые казаки во главе с атаманом Наумом Васильевым не желали ссориться с правительством, и, судя по их донесению, уже в январе 1660 г. выполнили царское указание. По их словам, казаки в городке долго отбивались от низовых и верховых казаков из пушек и ружей, многих ранили. После взятия, сожжения и разорения городка по решению Войскового круга атаман Васька (Прокопьев) и есаул Петрунька (Кулыга) были повешены, рядовые участники помилованы и отпущены жить по другим городкам. Отправленные в Москву с этой радостной вестью о победе 7 казаков с атаманом Леонтием Фроловым были награждены, а Войску Донскому была отправлена царская грамота с похвалой за поимку этих «воровских гультаев» и разорение их укрепленного городка⁶³. В отписке донских казаков видно стремление отвести от донцов подозрение в этих разбоях на Волге, это дело, мол, не коренных казаков, а пришлого населения с Волги, которые прибыли сюда два года назад.

Вскоре выяснилось, что эти же воровские казаки, отпущенные Войсковым кругом на свободу, уже весной 1660 г. снова совершили разбойные нападения на Волге южнее Царицына в районе Черного Яра. При этом были ограблены насады гостей Михаила Гурьева и Василия Шорина⁶⁴.

По-видимому, Петр Климов был первым помощником воеводы Д. В. Хитрово. Так получилось, что стольник Д. В. Хитрово умер в Саратове на воеводском посту. После его смерти в 1660 г. пока в город не прибыл новый воевода из Москвы И. И. Косагов должность саратовского воеводы временно исполнял Петр Климов. Сначала дьяки Приказа Казанского дворца в Москве не знали о смерти Даниила Хитрово, и 6 марта 1660 г. писали ему, что в Саратов будет отправлен ему на

смену Иван Косагов. Однако в августе того же года в Москве была получена челобитная жены Данилы Хитрово вдовы Марьи, которая находилась в Саратове вместе с мужем. Вдова просила отпустить ее из Саратова в Москву. Получив эту челобитную вдовы, дьяки приказали исполняющему должностные воеводы Петру Климову отпустить вдову Данилы Хитрово в Москву. Указание было отправлено в августе 1660 г., так что в сентябре вдова уже вполне могла уехать из Саратова⁶⁵.

Скорее всего, вдова Марья отправилась по Волге с одним из осенних караванов через Самару и Казань. Не исключен вариант, что она сопровождала гроб с телом погибшего мужа, ведь Хитрово были знатными людьми и входили в ближайшее окружение царя Алексея Михайловича. Вполне возможно, что саратовского воеводу похоронили в родовой усыпальнице в Подмоскowie.

Петр Климов известен еще тем, что был откупщиком некоторых рыбных угодий в окрестностях Саратова. Для детей боярских это не было характерным. Из местных жителей откупщиками были в основном посадские люди, иногда стрельцы. В 1657/1658 г. Петр Климов написал челобитную с просьбой об откупе рыбных ловель. Воеводе Саратова стольнику Н. И. Головину в 1658 г. пришла грамота, в которой говорилось, что Петру Климову «*велено Саратовскими Ключовскою воложскою и юртом владеть на откупку с указного срока 2 года, и впродолжение до иных перекупщиков, а откупку велено ему платить по 8 руб. 7 алт. 3 деньги на год*»⁶⁶.

Документы о приделах к окладу детей боярских очень важны для изучения истории Саратова. Мы узнаем не только имена служилых людей, что само по себе очень интересно, но и о том, что в Саратове осуществлялась в 1650–1660-х гг. перестройка крепости, неизвестная по другим источникам. Последняя известная по времени перестройка новой крепости происходила в 1630–1632 гг. при воеводе Степане Чемесове.

Некоторые исследователи, в частности архитектор Б. Н. Донецкий, считали, что именно при Чемесове Саратов был перенесен на новое место, то самое, где его увидел через несколько лет Адам Олеарий, а до этого Саратов находился также на левом берегу, но значительно южнее, в районе Анисовки. Якобы там мог увидеть Саратов Федот Котов в 1623 г., и именно об этом месте общается в Книге Большому Чертежу⁶⁷.

По нашему мнению, левобережный Саратов все время оставался на одном месте, в устье Саратова, но перестройка этой крепости происходила дважды. Первый раз – при Степане Чемесове через 15 лет после строительства левобережного Саратова. Такой небольшой срок объясняется тем, что первый город строился в завершающий период Смутного времени, наспех, материал был не совсем качественный. При Степане Чемесове строительство осуществлялось планомерно, более качественно, поэтому такой город простоял

свыше 20 лет. Но и ему требовалось подновление, как и всем деревянным строениям. Когда именно происходила перестройка Саратова – трудно сказать, скорее всего, при воеводе А. П. Чирикове в 1652–1654 гг. Уже при следующем воеводе В. В. Нелединском в 1655 г. за это «городовое дело» были награждены приделами к окладам саратовские служилые люди по отечеству. Это уже известные нам Петр и Лука Климовы, а также Семен Татянин и Федор Служов. Каждый из них получил придачи к денежному окладу по рублю, а также дополнительно хлеба по указу⁶⁸.

Особняком стоит челобитная саратовских стрельцов с просьбой об их награждении также за «городовое дело». Эта челобитная подана была около 1666 г., во всяком случае положительное решение по ней было принято в 1666 г. Следует обратить внимание, что здесь указано просто «городовое дело», а не «Саратовское городовое дело». Возможно, что здесь речь идет о строительстве на правом берегу укрепленного рыбного городка либо о строительстве какого-то другого города, ведь стрельцы обычно посылались в другие города помогать строить крепости. Так было и в Саратове при Степане Чемесове, когда в город были присланы стрельцы, дети боярские, новокрещены и басурманы из 10 волжских городов в количестве 456 человек⁶⁹.

Служилые люди участвовали в контактах с новыми кочевниками – калмыками. Не всегда эти контакты были мирными, особенно в 1630–1660-е гг., вплоть до того момента, когда хан Аюка признал власть Москвы. До этого были и нападения калмыков на поволжские города и набеги на окрестные земли. В документах говорится о награждении служилых людей за «Калмыцкую службу». Этот термин означает, что данный служилый человек участвовал в боевых действиях против калмыков. Саратовец Петр Климов, награжденный «за городовое дело», в следующем 1656 г. был снова награжден именно за Калмыцкую службу приделами в размере 1 рубль и по одной четверти ржи и овса⁷⁰.

Другой служилый человек Иван Микулин в 1673 г. был награжден за «Калмыцкую посылку»⁷¹. Здесь может речь идти, скорее всего, о посольском деле, когда саратовцы отправлялись вести переговоры с калмыками (либо сопровождали русских послов к калмыкам). В это время уже был заключен договор с ханом Аюкой, и калмыки были мирными.

В заключение стоит привести один документ, который полностью меняет наше представление о судьбе служилых людей по отечеству из Саратова во время восстания Степана Разина. Во всех исследованиях, посвященных пребыванию Разина в Саратове, отмечается, что повстанцы, прибыв в Саратов, «*утопили воеводу Кузьму Лутохина, расправились с детьми боярскими и с приказными...*» Мы знаем, что «служилый город» (саратовские дети боярские) на протяжении дли-

тельного времени был постоянным в Саратове и насчитывал 18 человек. Служилые люди должны были находиться в Саратове вместе с воеводой Кузьмой Лутохиным и оборонять город. Вполне возможно, что их постигла участь воеводы. Многие из них (Климовы, Протопоповы, Яковлев, Алферьев, Мордвинов, Татьяна, Гончаров и др.) после переноса Саратова на правый берег больше не встречаются. Гарнизон города стал комплектоваться в основном служилыми людьми из других городов (к примеру, Федор Шахматов служил на Курмыше). В 1680-х гг. в новом Саратове служили неизвестные ранее Максим Кондаков, иноземец Григорий Зборовский и др.

Из прежних фамилий мы встречаем Григория Микулина и Федора Служева. Хотелось бы остановиться на Федоре Служева и его судьбе. В одном из документов, опубликованном Е. А. Шахматовой (взятом из Донских дел), говорится о том, что в сентябре 1670 г. были из Москвы посланы в ссылку в Холмогоры саратовские дети боярские Федор Служев и еще 6 человек: «В прошлом во 179 г. сентября 3 дни по нашему Великому государя указу посланы к вам на Двину Саратовцы дети боярские Федор Служев с товарищи 7 человек, и велено им быть на вечную жизнь». В другом месте уточняется, что «послан в сылку на Колмогоры Саратовец сын боярский Федор Служев». Далее говорится, что 25 июля 1672 г. царь Алексей Михайлович велел Федора Служева «из сылки взять к Москве», и об этом была послана грамота в Холмогоры окольному Артамону Матвееву. В другой грамоте, адресованной на Двину думному дворянину и воеводе Афанасию Нестерову, приводится другая дата окончания ссылки Федора Служева: «В нынешнем во 181 г. сентября дни пожаловали мы Великий государь Саратовца Федора Служева, велели ево ис сылки взять к Москве». Далее говорится, что после получения данной грамоты воевода Нестеров велел бы отпустить Федора Служева к Москве. Грамота была написана в Москве 18 сентября 1672 г. Расхождение в датах – июль и сентябрь 1672 г., когда был помилован Ф. Служев, не очень существенно⁷².

Обратим внимание на другую дату – дату наказания Федора Служева и других саратовцев. «179 г. сентября 3 дни» они уже были отправлены в ссылку на Двину. Следовательно, 3 сентября 1670 г. они уже давно находились в Москве, по ним уже состоялся суд, выяснена их вина и принято решение о наказании. Учтем все эти нюансы, а также время на доставку этих людей из Саратова в Москву. Сразу стоит отбросить вариант, что Федор Служев и его товарищи накануне прибытия Разина в Саратов (мы знаем, что это произошло 15 августа 1670 г.) бросили воеводу Кузьму Лутохина на произвол судьбы и скрылись из города. За такое «дезертирство» они, мол, были наказаны.

Предположить можно другой вариант. Саратовцы во главе с Федором Служевым в апреле – мае 1670 г. были отправлены на Камышинку

или в Царицын. Они могли находиться в составе стрелецкого отряда И. Т. Лопатина, которого Разин разбил под Царицыном, или убежали из Камышенки в Саратов, не оказав никакого сопротивления разинцам, в общем именно тогда не проявили достаточного усердия в борьбе с казаками. Известно, что Разин захватил Царицын в начале мая 1670 г., разбил Лопатина в конце мая, другой отряд С. Львова – в начале июня, а 22 июня разинцы захватили Камышинку без боя. В начале июля 1670 г. о сожжении Камышинки доносил в Москву (в приказ Тайных дел!) голова московских стрельцов В. Лаговчин, который в то время стоял со своим отрядом в Саратове (19 июля это донесение уже было в Москве). Возможно, что В. Лаговчин и воевода К. Лутохин отправили саратовских детей боярских, в том числе Ф. Служева, в Москву для следствия. Когда Разин, захватив Астрахань, двинулся в сторону Саратова, Федор Служев и его товарищи уже были в Москве и предстали перед судом⁷³.

После возвращения из ссылки Федор Служев снова служил в Саратове. Он упоминается в челобитной служилых людей с жалобой на калмыков в июле 1688 г., когда калмыки конфликтовали с местными жителями. Федор Служев был грамотным человеком, он расписался в этой челобитной за Тихона Шахматова и других служилых людей⁷⁴.

К сожалению, кроме этих отрывочных сведений о служилых людях левобережного Саратова ничего больше в источниках обнаружить не удалось. Будем надеяться, что в РГАДА в фондах Калмыцких, Грузинских, Персидских, Ногайских и других дел Посольского приказа, а также Печатного приказа, Приказа Тайных дел и др. будут найдены новые источники о Саратове, которые позволят более полно представить жизнь этого города до его перенесения на Нагорную сторону.

Примечания

- 1 См.: Гоздаво-Голомбиевский А. А. Материалы для истории г. Саратова : записи книг Печатного приказа (1650–1675 гг.). М., 1892 (также – ЧОИДР. 1892. Кн. 3). Далее – Голомбиевский А. А. Материалы...
- 2 См.: Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923.
- 3 См.: Рабинович Я. Н. История первоначального Саратова 1590–1604 годов : характеристика источников и хронология событий (до начала Смутного времени) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 1. С. 80–87 ; Рабинович Я. Н. Саратов в Смутное время (1604–1614) // Там же. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 228–240.
- 4 Гераклитов А. А. История Саратовского края... С. 231.
- 5 Дополнения к Дворцовым разрядам по поручению графа Дмитрия Николаевича Блудова собранные из книг и столбцов преждебывших дворцовых приказов архива Оружейной палаты Иваном Забелиным. М., 1882. Ч. 1. Стб. 118.

- 6 *Герасимов А. А.* История Саратовского края... С. 231–232.
- 7 Подробнее об этом см.: *Бернацкий В. Н.* Конец Заруцкого // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. Л., 1939. Т. XIX. С. 83–131. См. также: Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ) : в 5 т. СПб., 1841. Т. 3 (1613–1645), № 257. С. 424.
- 8 См.: *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* История города Саратова в исследованиях местного любителя старины // Библиографические записки : ежемесячное иллюстрированное издание. М., 1892. № 3 (март). С. 213.
- 9 См.: Отписка Астраханских воевод князя Одоевского и Головина Самарским воеводам князьям Туренину и Белосельскому о разбитии волжских казаков на Яике и намерении последних идти для грабежа на Волгу. 1614, августа 30 // АИ. Т. 3, № 42. С. 38–39.
- 10 См.: Отписка Воронежского воеводы князя Савелия Ивановича Козловского о военных действиях Яицких казаков и о походах их на Волгу для грабежа царских и немецких судов. 1637, января 21 // Русская историческая библиотека (далее – РИБ) : в 39 т. СПб., 1898. Т. 18 : Донские дела, кн. 1. № XLVI–1. Стб. 549–555.
- 11 См.: *Голомбиевский А. А.* Материалы... № 9, 13. С. 10.
- 12 *Чекалин Ф. Ф.* Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII века. Саратов, 1892. С. 60.
- 13 *Голомбиевский А. А.* Материалы... № 30, 32. С. 12 ; № 42. С. 13.
- 14 См.: Проезжая грамота Нижегородцу Адриану Михалеву, на провоз товаров от Москвы до Астрахани и обратно, и о невзимании поголовщины. 1691, апрель // АИ. СПб., 1842. Т. 5, № 206. С. 354–356.
- 15 См.: *Голомбиевский А. А.* Материалы... № 30, 32. С. 12.
- 16 Там же. № 37. С. 13.
- 17 Там же. № 42. С. 13.
- 18 Там же. № 48. С. 14.
- 19 Там же. № 53. С. 14.
- 20 Там же. № 66. С. 16.
- 21 Там же. № 68. С. 16.
- 22 Там же. № 49. С. 14.
- 23 Там же. № 51. С. 14.
- 24 Арзамасские поместные акты (1578–1618) / собр. и ред. С. Б. Веселовский (Смутное время... Вып. 4) // ЧОИДР. М., 1916. Кн. 1 (256). С. 508–514, 523–554.
- 25 *Голомбиевский А. А.* Материалы... № 1. С. 9.
- 26 Там же. № 31. С. 12.
- 27 Там же. № 40. С. 13.
- 28 Там же. № 2. С. 9.
- 29 Там же. № 4. С. 9, 10.
- 30 Там же. № 6. С. 10.
- 31 Там же. № 17. С. 11.
- 32 Там же. № 21. С. 11.
- 33 Там же. № 20. С. 11.
- 34 Там же. № 22. С. 11.
- 35 См.: Энциклопедия Саратовского края (в очерках, событиях, фактах, именах). Саратов, 2002. С. 238.
- 36 См.: *Голомбиевский А. А.* Материалы... № 23. С. 12.
- 37 Там же. № 25. С. 12.
- 38 *Голомбиевский А. А.* Материалы... № 62. С. 15.
- 39 Там же. № 57. С. 15.
- 40 Там же. № 67. С. 16.
- 41 Там же. С. 8.
- 42 Там же. № 34. С. 12.
- 43 Там же. № 60. С. 15.
- 44 Энциклопедия Саратовского края... С. 238.
- 45 *Голомбиевский А. А.* Материалы... № 50. С. 14.
- 46 Там же. № 38. С. 13.
- 47 Там же. № 39. С. 13.
- 48 Там же. № 14. С. 11.
- 49 Там же. № 16. С. 11.
- 50 Там же. № 18. С. 11.
- 51 Там же. № 15. С. 11.
- 52 Там же. № 27. С. 12.
- 53 Там же. № 29. С. 12.
- 54 Там же. № 33. С. 12.
- 55 Там же. № 41. С. 13.
- 56 Там же. № 52. С. 14.
- 57 Там же. № 56. С. 15.
- 58 *Герасимов А. А.* История Саратовского края... С. 203–209 ; *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времен // Соч. : в 18 кн. М., 1995. Кн. 6, т. 11. С. 311–312 ; *Шахматов А. И.* Исторические очерки города Саратова и его округи. Саратов, 1891. С. 67 ; Дело по отпискам Саратовского воеводы Даниила Хитрово о воровских донских казаках, грабивших суда на Волге. 1659, сентябрь – ноябрь // РИБ. Пг., 1917. Т. 34 : Донские дела, кн. 5. № 27. Стб. 532–546.
- 59 Первая отписка Саратовского воеводы Д. В. Хитрово. 1659, сентября 29 // РИБ. Т. 34. Стб. 533–534.
- 60 Там же. Стб. 534–535.
- 61 Вторая отписка Саратовского воеводы Д. В. Хитрово о поимке воровских казаков, грабивших на Волге. 1659, октября 16 // РИБ. Т. 34. Стб. 536–538 ; Список детей боярских и стрельцов, принявших участие в поимке воровских казаков. 1659, октября 16 // РИБ. Т. 34. Стб. 541–542.
- 62 Распросные речи воровских казаков Кондратя Ходеряхина и Нефеда Золотарева. 1659, октября 16 // РИБ. Т. 34. Стб. 538–541.
- 63 Царская грамота Войску Донскому с известием о воровстве казаков на Волге и об уходе их на Дон в городок Ригу ; приказание разорить этот городок. 1659, ноября 11 // РИБ. Т. 34. Стб. 542–546 ; Приезд в Москву Донского станичного атамана Леонтия Фролова и есаула Ивана Васильева с войсковой отпиской : Войсковая отписка о поимке казаков, воровавших на Волге. 1660, апреля 14 ; Царская грамота Войску Донскому с похвалой за поимку воровских казаков. 1660, мая 5 // РИБ. Т. 34. Стб. 657–660, 667–668.
- 64 Приезд в Москву Донского станичного атамана Фрола Минаева с товарищи с войсковой отпиской : Отписка с Царицына от воеводы Д. В. Давыдова о грабежах казаков близ Черного Яра. 1660, мая 26 ; Царская грамота войску Донскому с выражением порицания за отпуск без наказания казаков, воровавших у Черного Яра. 1660, мая 29 // РИБ. Т. 34. Стб. 693–696, 697–701.

- ⁶⁵ Голомбиевский А. А. Материалы... С. 8.
- ⁶⁶ Там же. № 92. С. 21.
- ⁶⁷ Донецкий Б. Н. Увеша река пала в Волгу против города Саратова // Заря молодежи (Саратов). 1989. 25 марта ; Хождение купца Федота Котова в Персию / публ. Н. А. Кузнецовой, отв. ред. А. А. Кузнецов. М., 1958. С. 28 ; Книга Большому Чертежу / под ред. К. Н. Сербинной. М., 1950. С. 143.
- ⁶⁸ Голомбиевский А. А. Материалы... № 8, 10, 11. С. 10.
- ⁶⁹ См. Голомбиевский А. А. Материалы... № 54. С. 15 ; Рабинович Я. Н. Воеводы левобережного Саратова (1616–1641) / под ред. С. А. Мезина. 2-е изд., перераб. и доп. Саратов, 2014. С. 158–159.
- ⁷⁰ Голомбиевский А. А. Материалы... № 15. С. 11.
- ⁷¹ Там же. № 65. С. 16.
- ⁷² Шахматова Е. А. К истории Саратовского края из Донских дел // Труды СУАК. Саратов, 1893. Т. 4, вып. 1. Д. 3. С. 4344.
- ⁷³ Крестьянская война под предводительством С. Разина : сб. документов : в 3 т. М., 1954. Т. 1, № 131. С. 184–185 ; № 150. С. 209–210 и др.
- ⁷⁴ Шахматова Е. А. Указ. соч. Д. 5. С. 50–52.

Образец для цитирования:

Рабинович Я. Н. Служилые люди по отечеству в левобережном Саратове // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 102–113. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-102-113.

Cite this article as:

Rabinovich Ya. N. Hereditary Servicemen in the left-bank Saratov. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 102–113 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-102-113.